

УДК 17 (091) (043.3)

М.Г. Шатерник*магистр филос. наук, аспирант каф. философии культуры
Белорусского государственного университета***ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МОРАЛЬНОГО ДИСКУРСА**

В статье исследуется философская интерпретация феномена морального дискурса, которая реализуется в рамках постнеклассической философии. При философском подходе моральный дискурс трактуется как семиотическая система, в рамках которой конституируется смысл морали как основополагающей характеристики человеческого бытия, посредством которой конструируется и оценивается социальная реальность, задаются правила деятельности человека в мире. Специфика морального дискурса выявляется в ходе сравнения дискурса вообще как объективной техники смыслообразования и дискурса морального как нравственно осмысленного знания. Возможная структура теории морального дискурса включает в себя следующие элементы: философская методология осмысления морали в междисциплинарном поле аксиологии, семиотики, когнитивной лингвистики; определение сущностных характеристик, задающих всеобщие свойства морального дискурса; экспликация механизмов функционирования морального дискурса как системы; выработка целостного представления о моральном дискурсе как о фундаментальном феномене, конституирующем нравственную культуру человека.

Введение

Дискурсивный подход к анализу социальных и духовных процессов стал трендом современной науки, что осознается учеными разных направлений. Этика в этом отношении не осталась в стороне, ибо дискурсивный подход и создание теории морального дискурса позволяют взглянуть на мораль как коммуникативный феномен, существующий благодаря речемыслительной деятельности, регламентируемой социокультурными кодами.

Наиболее разработанной теория дискурса предстает в лингвистике, где анализируются особенности различных конкретных дискурсов, в том числе и морального. По мере развития лингвистических исследований дискурса становится заметна недостаточность их методологической базы, поэтому они все теснее связываются с социально-философскими теориями. В концепции видного голландского исследователя Ван Дейка представлен анализ социальных феноменов (в частности, идеологии) посредством дискурса, который рассматривается как социальная формация. Ван Дейк отмечает, что в основе идеологической идентификации находятся ценности, инкорпорированные в данный тип идеологии и фундирующие ее [1, р. 76]. Основатель научной школы в российской лингвистике Н.Д. Арутюнова рассматривает дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами ...речь, погруженную в жизнь» [2].

В теории дискурса М.Л. Макарова намечается корреляция лингвистических построений с философско-методологическими основаниями [3]. Дискурсивная реальность становится предметом философского анализа у Л.Д. Петрякова [4]. Даже беглый обзор современных исследований дискурса показывает необходимость привлечения философии для его анализа с целью упорядочивания методологических стратегий, ибо, с одной стороны, рамки лингвистической методологии исследования дискурса оказались размытыми, с другой – идеи дискурсивной методологии перспективны и они получили свое развитие в философии.

Научный руководитель – Е.В. Беляева, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета

В изначально философском ключе дискурс рассматривали М. Фуко и Ю. Хабермас, однако понятие морального дискурса специально ими не разрабатывалось. За несколькими исключениями моральный дискурс игнорируется в большинстве философских классификаций типов дискурса.

Осуществляя лингвистическую типологию текстов относительно коммуникативной ситуации и рассматривая дискурс сквозь призму «текст – контекст – смысл», И. Т. Касавин отмечает наличие в моральном дискурсе аксиологических функций, его близость благодаря субъективности своей языковой артикуляции дискурсу искусства и полагает, что универсальность контекста роднит его с наукой [5].

А.П. Огурцов вслед за хайдеггеровским разделением на эйдетический (ориентированный на Истину) и аксиологический (ориентированный на Благо) способы мысли, выделяет соответственно эйдетический и аксиологический дискурсы, где последнему помимо ориентированности на категорию блага присущи укорененность в ценностях и оценках [6, с. 7]. Последний тип дискурса больше всего похож на моральный. Однако А.П. Огурцов полагает, что в исторической динамике дискурса произошел разрыв гносеологии и этики, обусловленный различиями в их предметности и телеологии.

Е.Н. Болотникова в своей диссертации «Мораль как дискурсивная формация» [7] не использует понятия «моральный дискурс», но исследует моральную формацию как исторически сложившуюся форму морали. Мораль предстает как одна из множества дискурсивных формаций культуры, в которой речь идет об оценках и ценностях, а дискурс о морали предстает как один из многих дисциплинарных дискурсов.

Таким образом, можно сделать вывод о недостаточной разработанности темы, об отсутствии особого внимания или неоднородности трактовок морального дискурса, а также о недостаточной разработанности методологии исследования морального дискурса, нехватки актуальных философских и междисциплинарных стратегий, что свидетельствует о необходимости фундаментального философского подхода к исследованию морального дискурса.

Поскольку этика – это философская дисциплина, рассматривающая мораль в контексте фундаментальных оснований человеческого бытия, то выявление сущностной природы морального дискурса может быть осуществлено только с помощью философской методологии исследования, которая принципиально отлична от методов конкретных наук, в том числе лингвистики. Исследуя свой предмет, философия стремится осмыслить его во взаимосвязи и развитии, обобщить полученное знание в предельных понятиях и осмыслить его с точки зрения ценности для человека.

В данной статье ставится цель показать необходимость теории морального дискурса для современной постнеклассической философии и возможную структуру такой теории, определить специфику морального дискурса.

Необходимость теории морального дискурса для современной постнеклассической философии

На этапе постнеклассической философии пришло новое понимание человека – не рационального венца творения, но во многом управляемого иррациональными потоками энергии либидо, машины желания. Вместо Homo sapiens речь теперь идет о саморегулирующейся системе. Вместо субъекта, совершающего осознанные поступки, говорят о точке пересечения потоков информации. Постнеклассическая философия рассматривает язык как процессуальность, организованную в соответствии с логикой самого бытия и непосредственно вплетенную в последнее. Становится проблематичным определение того, что первично: логика бытия или логика языка.

В онтологии постнеклассической философии центральное место занимает категория «текст». В постмодернизме текст понимался как децентрированный (Деррида),

ризоматичний (Делез), допускаючий любые возможности своего означивания (Кристева), где означающее довлеет над означаемым (Лакан). Соответственным образом понималась и структура бытия. Онтология современности – это поиск логики отношений между элементами бытия. Дискурсивный подход, пришедший на подготовленную после «лингвистического поворота» почву, был применен в онтологии, представив тем самым возможности для развития фундаментальной методологии дискурсивных исследований, которая должна объяснять способы организации семиотических систем, в частности, систем текста, языка, и осуществляемого в языке мышления.

Классическая метафизика как учение о первичных и неизменных основаниях бытия, как поиск его инвариант, сменяется метафизикой отсутствия – постметафизическим мышлением, отказывающимся от трактовки бытия как налично данного. Однако такая антиметафизичность привела к построению очередного вида метафизики, что лишней раз подчеркивает специфику философии и заранее предостерегает от возможных обвинений в попытках построения метафизики в рамках антиметафизической онтологии. При этом постмодернизм, позиционируя себя как постфилософия, неоправданно исключил из поля своего зрения аксиологическую проблематику, понизив тем самым собственную социогуманитарную эвристичность. Между тем для постнеклассической философии в целом это вовсе не является обязательным, и теория морального дискурса имеет полное право стать постнеклассической этикой. Фундаментальной характеристикой философии является ориентация на ценности и смыслы ее категориальных построений. Однако при попытках применить дискурсивную парадигму для решения этических проблем оказалось, что современный дискурсивный подход нуждается в дополнении с точки зрения его гуманитарной составляющей. Поскольку основными характеристиками философского знания являются критичность и антидогматичность, постольку сам факт инкорпорации в постнеклассическую философию этики нового типа не представляет проблемы. Сложность в том, что сама постнеклассическая философия подвергла критике некоторые основания этического знания, и, для того чтобы построить постнеклассическую этику, нужно провести анализ результатов этой критики и в противовес *de*-конструкции произвести *re*-конструкцию этики на новых основаниях.

Философское исследование роли дискурса показывает острую потребность в теории морального дискурса. Это связано с тем, что аксиологический компонент латентно присутствует в философском поиске, и по мере продвижения исследования к выводам о значимости полученного знания для человека ценностная интерпретация обязательно является итогом философского поиска. Как пишет А.А. Гусейнов, «этика – не только часть (аспект) философии, но также ее внутренний пафос, в силу чего одна из важнейших задач философской этики заключается в осмыслении, обосновании и нормативном оформлении самой философии как этического проекта, нравственно достойного образа жизни» [8, с. 16]. Поэтому в теории морального дискурса как постнеклассической этике, речь, как и прежде, идет о благе и ответственности, о правильной жизни и моральном поступке, о фундирующей бытие и познание системе ценностных координат. А сам моральный дискурс ориентирован на интерпретацию и понимание, на конституирование социальной реальности посредством встраивания категорий ценности в само бытие.

Таким образом, теория морального дискурса должна стать элементом постнеклассической онтологии, так как сам этот дискурс выступает неотъемлемой характеристикой бытия и экзистенции современного человека. Точно так же современная гносеология получает в теории морального дискурса свое логическое дополнение.

В современных гносеологических концепциях следует придерживаться аксиологической ориентации на достижение имеющего моральную валидность знания, которое и должно соответствовать принципам современной эпистемологии [9]. К ним относятся, во-первых, посткритицизм, т.е. понимание факта, что познание не может начинаться

с нуля, но предполагает причастность познающего субъекта к одной из традиций исследования. В результате любое научное исследование оказывается вовлеченным в моральный дискурс, целью которого будет благо, а средством – наука. Во-вторых, поиск изменчивости познавательных норм и динамичности предмета исследования. В этом плане исследования морального дискурса ориентированы на поиск дискурсивной природы моральных смыслов, и выявление в них иных, условно детерминированных дискурсом оснований. В-третьих, отказ от субъектоцентризма, т.е. смещение внимания от констатации наличия субъекта к поиску возможности генезиса субъективности исходя из объективной данности. В этом аспекте одной из важнейших задач является определение природы и места морального субъекта в контексте морального дискурса. В-четвертых, отказ от наукоцентризма и понимание того, что в основании научного знания лежат элементы здравого смысла, обыденного языка и прочие формы вненаучного знания, что полностью соответствует ориентации на первичность базовых моральных пресуппозиций, задающих понимание самой науки как средства, но не цели.

Представленный в данной статье подход ориентирован на изучение фундаментальных онтологических и гносеологических оснований морального дискурса как способа реализации истинно человеческого бытия, как феномена имманентного каждому человеку благодаря дискурсивным механизмам смыслообразования.

Специфика морального дискурса

Методология постнеклассической философии вполне применима к моральному дискурсу, но должна реализоваться в соответствии с другими целями. Эта телеология позволяет выявить специфику морального дискурса через сопоставление дискурса вообще как объективной техники смыслообразования (раскрытой, в частности, в работе Ж. Делеза «Логика смысла» [10]) и дискурса морального как нравственно осмысленного знания, знания, имеющего ценностные основания.

В техническом плане, дискурс – это семиотическая (знаковая) система, в которой между элементами-знаками существуют отношения, определяющие качество этой системы. Структура внутренних взаимосвязей актуализированных элементов дискурса задает характеристики объекта дискурса. Будучи знаковой системой, дискурс объективируется в вербально-семиотической системе языка и в этом смысле представляет собой «совокупность высказываний относительно той или иной области, и структурирует способ говорения на ту или иную тему, о том или ином объекте, процессе» [11, р. 6–7]. В структуре морального дискурса важная роль отведена моральным пресуппозициям, которые структурируют дискурс в контексте его моральной осмысленности.

На уровне актуализации элементарной структуры, посредством которой образуется смысл, чисто технически дискурс находится в перманентном процессе переструктурирования: он захватывает все новые и новые конфигурации. Дискурсивность как перманентная текучесть смыслообразования подвержена изменениям детерриторизации-ретерриторизации (Ж. Делез). В моральном же дискурсе смыслы в большей степени коррелируют с набором внутренних ценностей и убеждений, которые переживаются непосредственно, происходят во многом из внеязыковой среды и формируются в процессе жизни. Например, переживаемые страдания побуждают с сочувствием относиться к страдающим; дети, еще не усвоившие навыки речи, могут испытывать чувство несправедливости; любовь, верность, ответственность также находятся в числе таких «естественных» ценностных предпочтений. Несомненно, что, актуализированные и оформленные в знаковой системе, такие понятия становятся концептами дискурса, но их первичная преддискурсивность является специфичной. В дальнейшем такие преддискурсивно сформированные ценности оказываются вовлеченными в смыслообразующую структуру дискурса, определяя его в качестве морального, и претерпевают трансформа-

ции в процессе коммуникации. При этом процессе коммуникации преддискурсивные ценности могут быть трансформированы настолько, что человек способен совершать зверства, не испытывая при этом никакого «морального дискомфорта». Поэтому одна из задач теории морального дискурса состоит в объяснении механизмов, приводящих к тому, что субъект этого дискурса попадает под влияние технического процесса смыслообразования, утрачивая собственную человечность, теряя статус морального субъекта.

В плане лингвистического воплощения чисто технически дискурс ориентирован на бессубъектность. Моральный же дискурс представляет собой вербальное выражение переживаемой моральной интимности и на ее базе выступает как обоснование должного и высказывания о благе (как они представляются субъекту). В этом контексте этика как наука о феномене морали в ее лингвистической объективации, с одной стороны, является исследованием дискурсивной природы морали. С другой – этика стремится осмыслить основания морали как имманентной интенции субъективности к моральному совершенству, требующей порой самопожертвования и прочих, не согласующихся с самовывживанием системы действий. Моральный дискурс позволяет понять, как ценностная матрица задает уровень моральных пресуппозиций, т.е. необходимых условий осмысленности моральных поступков.

Всякий дискурс амбивалентен: будучи феноменом культуры и сознания субъекта, он в то же время имеет объективные законы функционирования. Дискурс всегда «мой» и всегда приходящий «извне». Это значит, что «Я» всегда мыслит моральный выбор в некотором «своем» дискурсе, но в то же время его дискурс всегда захватывает внеположенные субъективности элементы актуализированного смысла. Наряду с прочим это связано и с коннотативным уровнем значения. Дискурс одновременно первичен и вторичен: первичен, так как своей системой отношений задает смыслы и значения; вторичен, ибо «впитывает» результаты социальной практики языковых игр. Дискурс несводим к семантике, семиотике и языковым играм: он находится за пределами простой системы референций. Подтверждением тому является специфика дискурса морального.

Согласно М. Фуко, борьба за власть – это неотъемлемое свойство дискурсов. В такой трактовке таится опасность чисто технического подхода к дискурсу, понимание его как безличного механизма смыслообразования, приводящего к пагубным последствиям в истории человечества. Дискурсы стремятся захватить власть над субъектом, стать формой его мышления. И чем меньше в дискурсе *преддискурсивных* моральных оснований, тем проще его захватить. Однако, как свидетельствует анализ Л. Витгенштейна [12], морально-эстетический опыт непосредственного переживания ценности несводим к языку. Добро и счастье жизни переживаются непосредственно. Вот почему основы морального дискурса берут истоки в *преддискурсивных* практиках и сами не требуют дискурсивных пресуппозиций. Именно поэтому люди идут на смерть ради добра и прекрасного даже в тех случаях, когда дискурс захвачен властью, сеющей смерть и разрушение.

Дискурс как мышление, которое объективируется в речи, погруженной в жизнь, имеет две важных функции: когнитивную и коммуникативную.

Когнитивная функция морального дискурса заключается в осмыслении реальности с точки зрения морали, в категориях добра и зла, долга и ответственности. Более того, поскольку в призме человеческого видения мир предстает как социальная реальность и поскольку главная форма познания берет начало с некоторого ценностного бэкграунда и заканчивается оценкой, постольку когнитивная функция морального дискурса состоит в наделении социальной реальности оценочно-смысловыми категориями. И в этом специфика морального дискурса.

Коммуникативная функция морального дискурса состоит в обеспечении взаимодействия людей по поводу нравственных ценностей и смыслов. В то же время комму-

никация является социально-языковой практикой, в которой разворачивается эмпирия морального дискурса. Коммуникативный аспект открывает перспективы для имманентного взаимодействия живых субъектов морального дискурса. По мнению К.О. Апеля [13], коммуникативный акт можно понимать как герменевтическую коммуникацию с текстом, в роли которого выступает коммуникативный партнер. В этом смысле «Другой» является необходимым условием морального дискурса. Мораль возможна только в интрасубъективной среде как особый тип рациональности, лежащий в основе всех других типов рациональности.

Близких этому позиций придерживался и Ю. Хабермас, разработавший модель рационального коммуникативного взаимодействия. Коммуникация приобретает у него характер базового социального процесса. В одной из своих работ [14] Ю. Хабермас пишет, что моральные обоснования связаны с реальным проведением аргументированных дискуссий не по прагматическим соображениям, не ради достижения баланса власти, а по внутренним причинам для того чтобы создать возможности для правильных моральных усмотрений. Этим реализация коммуникативной функции морального дискурса отличается от таковой у других видов дискурса.

Основатели дискурсивного подхода полагали, что дискурс как объективная структура доминирует над субъективностью, делая из нее функцию дискурса. В результате статус субъекта дискурса был как будто поставлен под сомнение. Однако применительно к моральному дискурсу говорить о полной редукции субъективности к дискурсу не приходится. У Делеза в «Логике смысла» [10] существует уровень манифестации, на котором и образуется субъективность (в отличие от уровня смысла, на котором дискурс образует смыслы без участия субъекта).

М. Фуко, проведя работу по очищению субъекта от чрезмерной субъективности, в конце концов обнаружил в остатке критическую работу мысли над самой собой, направленную на освобождение, а также практики себя, посредством которых некоторая активность создает свою субъективность [15]. Эта субъективность, видимо, является чем-то изменчивым, но все же у нее есть инварианта – критическая активность, направленная на осмысление структуры, в которую она погружена. Эту интенцию можно назвать имманентной метадискурсивностью, стремлением превзойти устанавливаемые дискурсом рамки в акте трансгрессии [16].

Специфика морального дискурса заключается также в том, что технически значение слова «благо» в дискурсе зависит от взаимосвязей смысла всех элементов, вовлеченных в данную актуальную структуру смысла. В этом случае смысл понятия «благо» образуется не в классической антитезе «добро – зло», но в результате связи элементов из разных смысловых уровней или логик. Например: «благо» (пожертвовать собой) = «патриот» + «родина в опасности» + «долг» + «*я уже пожил*» + «*меня все равно никто не ждет*». Но в такой схеме может быть и обратная сторона: «благо» (уничтожить «дегенеративную» расу) = «я высшая раса» + «“дегенеративная” раса вредна» + «*все равно они мучаются от своей ущербности*» + «*я буду правителем нового мира*». Обе схемы не могут быть равноценны только при истинности тезиса о наличии морального дискурса. Если же моральные *пресуппозиции* вытесняются другим дискурсом и тем более, если это случается с людьми, наделенными властью, наступают катастрофические исторические последствия.

Итак, при философском подходе к пониманию дискурса моральный дискурс трактуется как семиотическая система, в рамках которой конституируется смысл морали как основополагающей характеристики человеческого бытия, посредством которой конструируется и оценивается социальная реальность, задаются векторы деятельности человека в мире. Смысл таких понятий морального дискурса, как благо, долг, ответственность, не является метафизически фундированным и неизменным. Укорененные

в дискурсе, моральные понятия находятся в зависимости от структурно-лингвистических и внеязыковых, *мета*дискурсивных факторов.

Доказательством потенциальной многоплановости структуры смысла служит то, что, когда мы пытаемся принять «правильное» решение, всегда обнаруживается некое решение, представляющее другую актуализацию структуры смысла. Постоянная инаковость структуры оказывается бесконечной. Однако в моральном дискурсе решающее значение имеет моральная прагматика субъекта. Главный фактор, позволяющий говорить о свободе морального субъекта по отношению к техническим механизмам дискурса, – это непосредственное человеческое стремление к познанию нравственного бытия и моральному совершенству. В идеале – к восхождению в метадискурс критического мышления. Философский анализ дискурса заключается в стремлении показать место дискурса по отношению к самому главному объекту философии – человеку как субъекту собственной жизни. Задача морального дискурса состоит в наделении семиотической машины языка человечностью. Задача субъекта морального дискурса – не дать чисто техническому процессу смыслообразования стать доминирующим в дискурсе субъекта, ибо в таком случае человек утратит свои сущностные характеристики.

Заключение

Итак, философский подход к исследованию морального дискурса должен привести к построению теории, способной представить методологию осмысления морали в междисциплинарном поле аксиологии, семиотики, когнитивной лингвистики, определить структурные характеристики, задающие всеобщие свойства морального дискурса; эксплицировать механизмы функционирования морального дискурса как системы; выработать целостное представление о моральном дискурсе как о фундаментальном феномене, конституирующем моральную культуру человека. В результате должно быть выработано такое понимание предмета, которое позволило бы использовать метод дискурсивного анализа морали для объяснения и предсказания динамики социально-общественных процессов с акцентом на роль в этих процессах аксиологического уровня субъективности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dijk, T. A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach / Teun A. van Dijk. – London : Sage, 1998. – 365 p.
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева – М. : Совет. Энцикл., 1990. – С. 136–137.
3. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
4. Петряков, Л. Д. Дискурсивная реальность как объект философского анализа: онтологический и гносеологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филос. наук ; 09.00.01 / Л. Д. Петряков ; Ивановский гос. ун-т. – Иваново : Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2014. – 54 с.
5. Касавин, И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И. Т. Касавин. – М. : Канон+, 2008. – 437 с.
6. Огурцов, А. П. Благо и истина. Классические и неклассические регулятивы / А. П. Огурцов. – М. : ИФРАН, 1998. – 265 с.
7. Болотникова, Е. Н. Мораль как дискурсивная формация : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Е. Н. Болотникова ; Самар. гос. ун-т. – Самара, 2006. – 21 с.
8. Гусейнов, А. А. Философия как этический проект / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. – 2014. – № 5. – С. 16–26.

9. Эпистемология // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. – М. : Канон+, 2009. – С. 1160–1166.
10. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М. : Академ. проект. – 2011. – 472 с.
11. Kress, G. Linguistic processes in socio-cultural practice / G. Kress. – Oxford : University Press, 1989. – 116 p.
12. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн // Философские работы : в 2 т. / Л. Витгенштейн. – М. : Гнозис, 1994. – Т. 1. – С. 3–73.
13. Апель, К. О. Трансформация философии / К. О. Апель. – М. : Логос, 2001. – 344 с.
14. Хабермас, Ю. Этика дискурса: замечания к программе обоснования / Ю. Хабермас // Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб., 2001. – С. 67–173.
15. Фуко, М. Технологии себя / М. Фуко // Логос. – 2008. – № 2. – С. 96–122.
16. Фуко, М. О трансгрессии / М. Фуко // Танатография эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб. : Мифрил, 1994. – С. 111–132.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.06.2016

Shatsernik M.G. The Philosophical Approach to the Study of Moral Discourse

The philosophical interpretation of the phenomenon of moral discourse is implemented within the framework of post-nonclassical philosophy. At the philosophical approach, the moral discourse is treated as a semiotic system in which the meaning of morality as the fundamental characteristics of the human being is constituted, by which the social reality is designed and evaluated, relevant rules of human activity in the world are given. The specifics of the moral discourse is revealed in the comparison of discourse in general as an objective technique of meaning formation and moral discourse as a morally meaningful knowledge. Possible structure of the theory of moral discourse includes: a philosophical methodology of morality understanding in the interdisciplinary field of axiology, semiotics, cognitive linguistics; definition of the essential characteristics specifying the general properties of moral discourse; explication of the mechanisms of moral discourse as a system; the production of a holistic view of moral discourse as a fundamental phenomenon that constitutes moral human culture.